

DOI [10.19181/demis.2022.2.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.8)
EDN [LNDWKP](https://www.edn.ru/LNDWKP)

ИММИГРАЦИЯ VS ЭМИГРАЦИЯ: КОМПЕНСАТОРНАЯ РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Храмова М. Н.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: kh-mari08@yandex.ru*

Скоблина Е. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: skoblina.e.v@gmail.com*

Зорин Д. П.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: zorindmy@gmail.com*

Для цитирования: Храмова, М. Н. Иммиграция vs эмиграция: компенсаторная роль миграции в демографическом развитии регионов России / М. Н. Храмова, Е. В. Скоблина, Д. П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 110–122. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.8). EDN [LNDWKP](https://www.edn.ru/LNDWKP).

Аннотация. Для Российской Федерации международная миграция играет важную роль в формировании населения многих регионов. Миграционный прирост частично позволяет компенсировать естественную убыль, обусловленную депопуляцией. Однако в течение 2020–2021 гг. лишь незначительное количество субъектов РФ смогло восполнить демографические потери за счет миграции, как внутрисубъектной, так и международной. Частично это можно объяснить влиянием ковидных ограничений, вследствие чего в 2020 г. значительно снизились масштабы международной миграции. Другая причина может быть связана с переориентацией миграционных потоков из традиционных для России стран-доноров на другие направления. В условиях депопуляции населения стоит обратить внимание и еще на один процесс – эмиграцию граждан России за рубеж. Целью данной работы является исследование воздействия международной миграции в регионах РФ на численность и демографическую структуру населения страны в 2020–2021 гг. В настоящей статье мы анализируем динамику смертности и естественной убыли населения Российской Федерации в период пандемии COVID-19, даем оценку влияния пандемии на образовательную и трудовую миграцию в Россию. Также проводим оценку некоторых последствий эмиграции в основные страны-реципиенты. Показываем, что пандемия коронавирусной инфекции оказала многомерное и пролонгированное воздействие на демографическое развитие субъектов РФ. В условиях ограничений мобильности масштабы международной миграции в 2020 г. существенно снизились. Миграционный прирост позволил только частично компенсировать естественные потери. Также вызывают опасение значительные масштабы эмиграции. Сопоставление структуры иммиграционных и эмиграционных потоков позволяет нам сделать вывод о том, что вследствие эмиграции происходит отток человеческого капитала из ряда стратегически важных регионов страны.

Ключевые слова: международная миграция в России; трудовая миграция; образовательная миграция; эмиграция из России; естественная убыль населения; пандемия COVID-19; демографическая безопасность.

Введение

Естественную убыль населения можно считать одним из важнейших факторов риска для демографической безопасности страны и отдельно взятых регионов. Поиск возможных путей сокращения естественной убыли населения представляется наиболее актуальным именно сейчас, в период постпандемии COVID-19, чтобы иметь

возможность в среднесрочной перспективе оценивать риски достижения целей демографической политики РФ.

Учитывая характер расселения населения, а также сложившиеся тренды рождаемости и смертности, проблема обеспечения демографической безопасности является одной из актуальных для значительного числа субъектов Российской Федерации. К компонентам демографической безопасности различные авторы относят численность населения, возрастную структуру, географическое распределение, этнический состав, миграцию, динамику роста населения, сдвиги в возрастной структуре, изменение местоположения и доли этнических и религиозных групп и другое (см., напр., [1]).

В нашем исследовании мы сделаем акцент на влияние международной миграции на демографическое развитие и демографическую безопасность субъектов России. В течение двух лет с начала пандемии коронавирусной инфекции произошли существенные сдвиги в тенденциях демографического развития. Естественные потери населения в 2020–2021 гг. оказались самыми значительными за последние 20 лет. Можно говорить о мультипликативном эффекте, когда, с одной стороны, негативная динамика рождаемости и смертности обуславливается сложившейся демографической структурой населения, а с другой стороны – дополнительным влиянием пандемии, в первую очередь, на уровень смертности в трудоспособных возрастах.

В течение 2021 г. все федеральные округа, кроме Северо-Кавказского, закончили год с весьма значительной естественной убылью. На уровне отдельных субъектов, а также с учетом итогов международной миграции населения, картина была более разнообразной. В частности, в 65 субъектах РФ численность населения сократилась: в 28 регионах за счет естественной убыли и миграционного оттока, в 37 регионах – за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом. Из оставшихся 20 субъектов РФ только 10 характеризовались относительно высоким естественным приростом (все – национальные республики). Оставшиеся десять субъектов увеличивали численность населения за счет миграции¹. Традиционно миграционно привлекательными остаются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, в котором подавляющая часть миграционного прироста приходится на Сочи. Столицы регионов также являются центрами притяжения внутренних и международных мигрантов. В то же время, как отмечалось выше, весьма значительная часть субъектов России испытывает миграционный отток. Притом такая тенденция является устойчивой. В частности, риски демографической безопасности из-за миграционного оттока мы можем видеть в субъектах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Выезд из соответствующих регионов трудоспособного населения, в том числе с детьми, в другие российские регионы и зарубежные страны может вести к деформации половозрастной структуры населения, ускорению темпов старения населения, а также снижению трудового потенциала [2].

В настоящей работе мы анализируем динамику смертности и естественной убыли населения Российской Федерации в период пандемии COVID-19, приводим некоторые оценки влияния пандемии на образовательную и трудовую миграцию в Россию, а также оцениваем влияние иммиграции и эмиграции на демографическое

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 23.10.2022).

развитие российских регионов. В качестве источников статистической информации нами использованы официальные данные о численности, естественном движении и миграции населения РФ, публикуемые Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Мы обращались к отдельным показателям Главного управления по вопросам миграции МВД РФ, опирались на некоторые сведения о международной миграции, предоставляемые Международной организацией по миграции (МОМ), ООН, Всемирным банком.

Некоторые особенности естественной убыли и смертности населения РФ в период пандемии COVID-19 на уровне федеральных округов

На фоне пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 демографические показатели практически для всех регионов России значительно «просели», а естественная убыль населения в абсолютном выражении составила 702,1 тыс. человек и была лишь в незначительной степени компенсирована за счет международной миграции. Так, естественный прирост по итогам 2020 г. показали лишь 14 субъектов РФ, практически все – национальные республики, для которых характерна более высокая, нежели в среднем по Российской Федерации рождаемость: Чеченская Республика (+13,5%), Республика Ингушетия (+12,5%), Республика Тыва (+10,8%), Республика Дагестан (+8,8%), Ямало-Ненецкий АО (+6,9%), Ханты-Мансийский АО (+4,7%), Республика Саха (Якутия) (+4,1%), Ненецкий АО (+3,4%), Кабардино-Балкарская Республика (+2,0%), Республика Алтай (+2,0%), Республика Бурятия (+0,9%), Карачаево-Черкесская Республика (+0,2%), Чукотский АО (+0,4%) и Тюменская область (+0,1%)². Впрочем, даже для указанных субъектов РФ естественный прирост по итогам 2020 г. был меньше, чем в 2019 г. В то же время в 2020 г. 71 субъект РФ показал естественную убыль населения. В каждом федеральном округе можно выделить регионы, характеризующиеся наихудшими значениями. В Центральном федеральном округе это Тульская (-11,3%), Владимирская (-10,8%), Тверская и Орловская области (по -10,5%); в Северо-Западном – Псковская (-11,0%) и Новгородская (-10,0%) области и Республика Карелия (-8,1%); в Южном – Волгоградская область (-8,0%), Республика Крым (-6,2%) и Севастополь (-4,5%); в Северо-Кавказском федеральном округе единственный субъект с естественной убылью – Ставропольский край (-3,3%); в Приволжском это Пензенская область (-10,1%), Республика Мордовия (-9,7%) и Саратовская область (-9,1%), в Уральском – Курганская (-8,4%), Челябинская (-6,4%) и Свердловская (-5,5%) области, в Сибирском – Алтайский край (-7,9%), Кемеровская (-7,7%) и Омская области (-6,3%), а в Дальневосточном федеральном округе – Амурская область (-6,3%), Приморский край (-5,9%) и Еврейская АО (-5,6%). Некоторые итоги естественного движения населения на уровне федеральных округов России представлены в таблице 1.

По итогам 2020 г. новая коронавирусная инфекция COVID-19 зафиксирована как причина смерти у 144 691 человека, из них 21 971 – в трудоспособных возрастах (15,2%), в 2021 г. – из 465 525 человек с указанной причиной – смертью в трудоспособных возрастах – находились 58 536 человек (12,6%)³. В абсолютном выражении максимальные потери вследствие COVID-19 понесли Центральный и Приволжский

² Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 23.10.2022).

³ Там же.

федеральные округа. Однако приведенные цифры – это только верхушка айсберга, поскольку для части умерших COVID-19 являлся не основной, а сопутствующей причиной. Опять-таки в период распространения коронавирусной инфекции на достаточно длительный срок были приостановлены плановые обследования. Это оказало негативное воздействие на систему ранней диагностики заболеваний, что в дальнейшем может привести к росту инвалидизации населения.

Таблица 1

Итоги естественного движения населения России в разрезе федеральных округов в 2020–2021 гг. (человек)

Table 1

The results of natural population movement in Russia by federal districts in 2020–2021 (people)

Территории	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост / убыль (-)	
	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.
Российская Федерация	1 398 253	1 436 514	2 441 594	2 138 586	-1 043 341	-702 072
Центральный ФО	347 752	355 864	685 083	593 463	-337 331	-237 599
Северо-Западный ФО	122 766	127 246	236 689	203 421	-113 923	-76 175
Южный ФО	154 827	156 765	291 990	246 339	-137 163	-89 574
Северо-Кавказский ФО	130 897	136 516	97 414	90 019	33 483	46 497
Приволжский ФО	262 404	269 141	518 821	462 644	-256 417	-193 503
Уральский ФО	128 737	130 855	193 355	172 059	-64 618	-41 204
Сибирский ФО	165 051	170 009	292 169	257 659	-127 118	-87 650
Дальневосточный ФО	85 819	90 118	126 073	112 982	-40 254	-22 864

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁴

С точки зрения дифференциации смертности, пандемия COVID-19 в разной степени затронула регионы Российской Федерации. Так, в 2020 г., на который пришелся пик одной из волн распространения заболеваемости новой коронавирусной инфекцией, показатель смертности населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста) в среднем по стране составил 548,2. Для сравнения: значения данного показателя за 2018 и 2019 гг. составили 482,2 и 470,0 соответственно.

Наибольшая смертность среди трудоспособного населения в 2020 г. была зафиксирована в Дальневосточном федеральном округе, где значение рассматриваемого показателя достигло 649,3. Что же касается отдельных субъектов, то в 2020 г. максимальное значение показал Чукотский автономный округ – 853,2, а минимальное значение – в Республика Ингушетия (183,7 умерших на 100 000 человек в соответствующем возрасте).

По оценкам, приведенным в работе Н. В. Горошко и С. В. Пацала [3], избыточная смертность в Российской Федерации составила примерно 288 тыс. человек, при этом в 1,3 раза возросла удельная избыточная смертность среди городских жителей,

⁴ Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 23.10.2022).

поскольку урбанизация является важным фактором распространения COVID-19. Избыточная смертность имеет существенные различия по возрастным группам. В сравнении с 2019 г. показатели смертности 2020 г. растут и достигают максимума в старших возрастных группах, особенно в группе 60+. Исключение составляет возрастная группа 75–79 лет, в которой по итогам 2020 г. роста избыточной смертности зафиксировано не было [3].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в течение периода пандемии темпы естественной убыли населения во многих регионах РФ увеличились. Это можно расценивать как дополнительный фактор риска демографической безопасности.

Миграция как фактор компенсации естественной убыли населения

Важнейшим источником компенсации естественной убыли населения в России уже долгие годы является международная миграция. Российская Федерация, являясь одной из ключевых стран-реципиентов международных мигрантов в мире, сохраняет миграционную привлекательность для граждан ряда стран бывшего Советского Союза. Перечень таких стран довольно устойчив, и в этом контексте мы можем говорить об устойчивых миграционных коридорах, связывающих Россию с ее основными странами-донорами [4].

В период пандемии компенсаторная роль миграции в формировании населения российских регионов значительно упала. При естественной убыли 702 тыс. человек по итогам 2020 г. миграционный прирост составил лишь 106 тыс. человек, а в 2021 г. – 429 тыс. человек при естественной убыли уже свыше 1 043 тыс. человек. Некоторые итоги миграции населения РФ в разрезе федеральных округов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Миграционный прирост населения Российской Федерации в 2020–2021 гг. в разрезе федеральных округов (человек)

Table 2

Migration balance of the population of the Russian Federation in 2020–2021 by federal districts (people)

Территории	2021 г.			2020 г.		
	Миграционный прирост, всего	в том числе за счет перемещений		Миграционный прирост, всего	в том числе за счет перемещений	
		в пределах России	международных		в пределах России	международных
Российская Федерация	429 902	-	429 902	106 474	-	106 474
Центральный ФО	190 771	61 648	129 123	58 398	30 773	27 625
Северо-Западный ФО	73 033	32 671	40 362	39 021	25 307	13 714
Южный ФО	89 573	24 871	64 702	71 440	28 462	42 978

Северо-Кавказский ФО	-3 448	-12 955	9 507	-9 091	-7 949	-1 142
Приволжский ФО	29 854	-26 236	56 090	-20 484	-23 087	2 603
Уральский ФО	30 079	-12 625	42 704	11 615	-3 370	14 985
Сибирский ФО	12 595	-40 138	52 733	-24 499	-29 113	4 614
Дальневосточный ФО	7 445	-27 236	34 681	-19 926	-21 023	1 097

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

Анализируя данные, представленные в таблице 2, стоит обратить внимание на то, что для Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов миграционный прирост по итогам 2021 г. обеспечивался за счет международной миграции, которая «перекрывала» потери вследствие межрегионального обмена. В структуре миграционного прироста за 2021 г. из 429,9 тыс. человек – 213,5 тыс. человек являются гражданами России, 216,4 тыс. человек – иностранные граждане, из которых практически 90% приходится на страны СНГ. Миграционный прирост для Узбекистана и Таджикистана, которые для России являются основными донорами, в том числе и трудовых мигрантов, составил соответственно 36,0 и 96,6 тыс. человек. Также значительный прирост был обеспечен за счет Украины (64,7 тыс. человек), Казахстана (+48,3 тыс. человек), Кыргызстана (42,5 тыс. человек) и Армении (45,2 тыс. человек)⁶. Здесь стоит отметить, что около трети миграционного прироста за счет стран СНГ пришлось на субъекты Центрального федерального округа. В то же время на проблемные регионы Сибири и Дальнего Востока, характеризующиеся отрицательным миграционным балансом в межрегиональном обмене с другими регионами РФ, приходится суммарно около 20% прироста за счет стран СНГ. Это свидетельствует о том, что миграционная привлекательность регионов Сибири и Дальнего Востока как для внутренних, так и для международных мигрантов остается достаточно низкой.

По значимости миграционного прироста в формировании демографического потенциала регионы Российской Федерации можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся регионы, в которых миграция играет преобладающую роль. Так, например, в Калининградской, Ленинградской и Московской областях, в Краснодарском крае миграционный прирост населения был в 2,5; 2; 1,5 и 1,4 раза, соответственно, т. е. больше естественной убыли населения.

Вторая группа включает в себя регионы РФ с так называемым «паритетным» балансом естественной убыли населения и миграционного прироста. В данной группе регионов миграционный прирост почти полностью компенсировал снижение численности населения, вызванное естественной убылью. Сюда можно причислить, например, Республику Адыгея, где 104,6% от естественной убыли населения было покрыто миграционным приростом.

К третьей группе относятся регионы Российской Федерации, в которых миграционный прирост хоть и имеет позитивный итог, но лишь частично компенсирует убыль населения. Здесь в пример можно привести Новгородскую область и Псковскую области, где миграционный прирост скомпенсировал только 31,7% и 15,1% от естественной убыли населения региона, соответственно.

⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 23.10.2022).

⁶ Там же.

В целом за период с 1992 по 2019 г. миграционный прирост компенсировал около 75% естественной убыли населения. В то же время в период пандемии мы отмечаем снижение компенсаторной роли миграции в формировании населения. Пока нельзя однозначно сказать, является ли это новым трендом, однако понятно, что за время пандемии произошла значимая трансформация международной миграции, которая выразилась в том числе и в возникновении новых направлений миграции на постсоветском пространстве.

Обратимся к еще одному аспекту формирования демографической безопасности в российских регионах. Важным компонентом миграционных потоков в Российскую Федерацию традиционно является трудовая миграция. В период до середины 2000-х гг. около половины мигрантов, трудоустроенных на территории России, были гражданами стран СНГ. Впоследствии наблюдалась тенденция к дальнейшему увеличению их доли в составе трудовых мигрантов: в 2008 г. прибывшие из стран СНГ составляли около 73%, в 2010 г. – уже 76%⁷.

Ключевыми регионами сосредоточения трудовых мигрантов в Российской Федерации являются Москва (1,8 млн человек), Ленинградская область и Санкт-Петербург (716 тыс.), Московская область (399 тыс.), Краснодарский край (131 тыс.), Свердловская (115 тыс.) и Самарская области (103 тыс.). Если рассматривать относительные показатели, то наибольшая доля трудовых мигрантов была зарегистрирована в Москве (24,6%), Ленинградской области (18,3%), Ямало-Ненецком автономном округе (14,5%), Магаданской области (13,7%), Московской области (9,9%), Ханты-Мансийском автономном округе (9,8%), в Тюменской области (без автономных округов) (7,4%) [5].

После снятия части коронавирусных ограничений масштабы трудовой миграции в Россию стали постепенно восстанавливаться. Например, уже в первом полугодии 2021 г. около 3,6 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, которые прибыли с целью осуществления трудовой деятельности на территорию РФ, были поставлены на миграционный учет по месту пребывания. Среди них преобладали граждане Узбекистана (46,1%), Таджикистана (22,7%) и Кыргызстана (10,5%). В целом на эти три центральноазиатские страны пришлось около 80% случаев постановки на миграционный учет по причине въезда «работа»⁸.

С началом пандемии COVID-19 произошло существенное снижение числа иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу на территории Российской Федерации. Среди них максимальное количество приходилось на граждан Китая – 23% (10,8 тыс. человек), Вьетнама – 17% (8,1 тыс.), Турции – 7% (3,4 тыс.), Сербии – 5% (2,3 тыс.), Индии – 4% (2,1 тыс.).

Среди трудовых мигрантов, имеющих действующий патент, преобладали граждане Узбекистана (62%, или 803,8 тыс. человек), Таджикистана (31%, или 400,2 тыс.), Азербайджана (3%, или 40,9 тыс.), Украины (3%, или 39,4 тыс.) и Молдовы (1%, или 17,5 тыс.).

По итогам 2021 г. на долю высококвалифицированных специалистов приходилась половина от общего количества выданных разрешений на работу (46,7 тыс. из

⁷ Щербакова, Е. Иностранная рабочая сила в России по итогам первого полугодия 2021 года // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0917/barom02.php> (дата обращения: 23.10.2022).

⁸ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 23.10.2022).

общего числа в 93 тыс.)⁹. Здесь мы можем видеть определенный прогресс по сравнению с 2020 г. Причем стоит отметить, что за время пандемии COVID-19 число высококвалифицированных специалистов из таких стран как, например, Япония, Южная Корея, а также из многих стран Европы и Северной Америки сократилось [6].

Помимо трудовой миграции важную роль в формировании человеческого капитала играет образовательная миграция в РФ. Образовательная или учебная миграция охватывает иностранных студентов, стажеров, аспирантов и докторантов, приезжающих в Россию с целью получения образования и прохождения стажировок.

Образовательную миграцию традиционно принято считать одним из самых востребованных миграционных потоков в страну, так как она имеет ряд положительных экономических и социальных последствий. Во-первых, она способствует пополнению потенциального числа трудоспособного населения, во-вторых, приводит к увеличению численности высококвалифицированных специалистов, а также способствует культурному обмену и развитию образовательной среды в стране.

Традиционно основными странами-донорами образовательных мигрантов для Российской Федерации являются страны бывшего СССР, а кроме них Индия, Китай и Вьетнам. Однако в последние несколько лет предпринимаются меры, направленные на распространение и в другие регионы мира российского высшего образования. Так, например, согласно Паспорту национального проекта «Образование», основной целью России в данной сфере является ее вхождение в десятку лидирующих стран мира в области образования¹⁰.

Продвижение в число стран-лидеров по качеству предоставляемого образования не представляется возможным без интернационализации системы высшего образования в стране. В связи с этим Федеральный проект «Экспорт образования» ставит одной из важнейших целей увеличение количества иностранных студентов, обучающихся на территории Российской Федерации, с 241 тыс. человек в 2019 г. до значения 425 тыс. к 2024 г.¹¹. Впоследствии в Паспорте приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» число иностранных студентов было увеличено до значения 710 тыс. человек к 2025 г.¹².

С целью привлечения иностранных студентов РФ ежегодно увеличивает количество государственных стипендий. До 2020 г. распределялось 15 тыс. квот для иностранных студентов ежегодно, в 2021 г. – 18 тыс. квот. В 2022 г. планируется принять 23 тыс. иностранных студентов, а с 2023 г. их число будет увеличено до 30 тыс. ежегодно. Государственная стипендия имеет ряд преимуществ, включая бесплатное обучение в течение всего срока по выбранной специальности, место в общежитии и ежемесячную стипендию. Отбор кандидатов для получения государственной стипендии

⁹ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548> (дата обращения: 23.10.2022).

¹⁰ Паспорт национального проекта «Образование» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 23.10.2022).

¹¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycl5HV.pdf> (дата обращения: 23.10.2022).

¹² Там же.

проводится совместно посольствами других стран и отделениями Россотрудничества [5].

В 2021 г. число иностранных студентов на территории РФ достигало 270 тыс. человек, из них около 18 тыс. обучались по квоте правительства. Это были преимущественно студенты из таких стран как, Казахстан (61 тыс. человек), Узбекистан (48,7 тыс.), Китай (32,6 тыс.), Туркменистан (30,6 тыс.), Таджикистан (23,1 тыс.), Индия (16,7 тыс.), Египет (12,4 тыс.), Беларусь (10,2 тыс.). Приблизительно 70% иностранных студентов на территории Российской Федерации являются выходцами из стран, входящих в состав СНГ¹³.

Среди иностранных студентов самыми популярными специальностями являются экономика и управление, здравоохранение, гуманитарные науки. Большая часть иностранных студентов сконцентрирована в Москве и Санкт-Петербурге, однако в последние годы иностранные студенты выбирают также высшие учебные заведения Владивостока, Белгорода и Краснодара.

Неравномерность распределения иностранных студентов по территории России заметна также при рассмотрении их размещения по различным субъектам федерации. Так, 49% иностранных студентов получают образование в университетах Центрального федерального округа, 17% – Северо-Западного федерального округа, 12% – Сибирского, 8% – Приволжского, 6% – Южного федеральных округов.

Пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на масштабы образовательной миграции по всему миру, при этом Российская Федерация не стала исключением. Из-за пандемии многие иностранные студенты были вынуждены отменить свои планы на международные поездки, а университеты пересматривать условия программ обмена студентами и академической мобильности. Многие проекты в области научно-исследовательского сотрудничества были вынужденно приостановлены.

По причине закрытия границ между странами многие иностранные студенты, уехавшие в страну своего происхождения, например, в Индию, Марокко, Тунис, Алжир и Египет, не имели возможности вернуться в Россию к началу нового учебного года и продолжили обучение в онлайн-формате. С аналогичной проблемой столкнулись и некоторые преподаватели российский высших учебных заведений, занимавшиеся повышением своей квалификации или работавшие в университетах Франции, Англии и других стран. Они в равной мере не смогли возобновить работу в России к началу учебного года. Многие российские студенты, которые заранее выбрали иностранный университет, в свою очередь не смогли поехать в другую страну из-за запретов, касающихся образовательных мигрантов [7].

Одним из новых способов организации учебного процесса стал дистанционный формат проведения занятий, стремительное развития цифровизации в образовательной среде. Комбинирование онлайн- и оффлайн-занятий помогло взглянуть на систему российского образования под новым углом.

Так, например, многие университеты под влиянием пандемии COVID-19 смогли в кратчайшие сроки разработать собственные электронные образовательные платформы, в которых были выложены доступные в любое время образовательные материалы.

¹³ В Россотрудничестве назвали число иностранных студентов, обучающихся в РФ // ТАСС : [сайт]. 04.08.2021. URL: Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/12056835> (дата обращения: 23.10.2022).

Для иностранных студентов появилась возможность получить высшее образование в Российской Федерации, не покидая страну, гражданами которой они являются. Это позволило им сократить существенные финансовые затраты, связанные с переездом на обучение в другую страну.

Несмотря на негативные последствия пандемии COVID-19, Россия в 2020 г. смогла вновь увеличить прием образовательных мигрантов. Благоприятным фактором послужило упрощение процедуры приема иностранных абитуриентов, включающее подачу документов в приемную комиссию в онлайн-формате, проведение в онлайн-формате вступительных испытаний и отсрочку предоставления оригиналов документов [8].

Учитывая такие факторы, как низкая стоимость обучения и проживания, изменения мирового рынка услуг в образовательной сфере, можно предположить, что у Российской Федерации появятся новые возможности для развития образовательной миграции и привлечения иностранных мигрантов в страну, в том числе за счет стран Азии, например, Китая и Вьетнама.

Благоприятная тенденция приема образовательных мигрантов в существенной степени сохранилась благодаря последовательному открытию российских границ с основными странами-донорами иностранных студентов, а именно странами, входящими в состав СНГ, а также Китаем, Индией, Южной Кореей, Вьетнамом и другими государствами.

Так, например, гражданам Кыргызстана и Казахстана было разрешено въехать на территорию РФ с целью учебы в конце сентября 2020 г., Вьетнама и Индии – с января 2021 г., Армении и Азербайджана – с февраля 2021 г., Таджикистана и Узбекистана – с марта 2021 г., Китая – с июня 2021 г. По состоянию на июль 2021 г., согласно последней редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 16.03.2020 г. № 635-р, иностранным слушателям подготовительных факультетов, студентам, аспирантам ординаторам из 54 эпидемиологически безопасных государств разрешен въезд в Российскую Федерацию с целью получения образования¹⁴.

Заключение

На фоне депопуляции международная миграция для России продолжает оставаться важным источником восполнения численности ее населения. Однако в период пандемии COVID-18 компенсаторная роль миграции значительно снизилась. Частично это можно объяснить влиянием ковидных ограничений, вследствие чего в 2020 г. значительно снизились масштабы международной миграции. Другая причина может быть связана с переориентацией миграционных потоков из традиционных для РФ стран-доноров на другие направления. Значительная дифференциация социально-экономических условий в российских регионах стала также одним из факторов формирования миграционных трендов. Перераспределение населения в 2020–2021 гг. продолжилось в соответствии с уже сложившимися долгосрочными трендами. Регионы Сибири и Дальнего Востока продолжают терять население в межрегиональном обмене с другими регионами страны и с зарубежными государства-

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-р (ред. от 14.06.2022) «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-16032020-n-635-r-o-vremennom/> (дата обращения: 29.06.2022).

ми. Учитывая то, что уезжает население преимущественно в трудоспособных возрастах, а также обладающее довольно высоким уровнем образования, нужно понимать, что это ведет к значимому снижению человеческого потенциала регионов выезда. Кроме того, стоит понимать, что большинство проблемных с точки зрения миграционного оттока регионов – приграничные, что уже напрямую определяет риски национальной безопасности страны.

Анализ стран происхождения мигрантов свидетельствует о сохранении перечня государств, для которых Россия является миграционно привлекательным направлением. В структуре миграционного прироста чуть менее половины составляют граждане РФ, и немногим более – граждане зарубежных стран. Мы можем говорить о том, что на долю стран СНГ приходится в настоящее время около 90% всего миграционного прироста, и такая картина, по всей видимости, сохранится и в ближайшие годы.

Для Российской Федерации значительная часть миграционного прироста ежегодно обеспечивается за счет таких стран, как Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Армения, Украина. Около 40% миграционного прироста составляют граждане России, вернувшиеся из-за рубежа, оставшиеся 25% приходятся на прочие государства происхождения мигрантов. Среди перечисленных стран-доноров для Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана характерен расширенный режим воспроизводства населения, следовательно, при стабильной социально-экономической и политической ситуации в этих странах и в самой России, и тех же темпах прироста населения Российская Федерация в перспективе может рассчитывать на имеющийся демографический и трудовой потенциал названных стран.

Список литературы

1. Методология анализа демографической безопасности и миграции населения : для магистров, обучающихся по направлению «Статистика» / Н. Д. Эпштейн [и др.]. Москва : Финансы и статистика, 2013. 165 с. ISBN 978-5-279-03548-9. EDN [RONBIB](#).
2. Храмова, М. Н. Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах российского Дальнего Востока / М. Н. Храмова, Д. П. Зорин // Сегодня и завтра российской экономики. 2022. № 107–108. С. 26–36. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-02](#). EDN [ARDSGO](#).
3. Горошко, Н. В. Основные причины избыточной смертности населения в России в условиях пандемии COVID-19 / Н. В. Горошко, С. В. Пацала // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 67 (6). Статья № 1. DOI [10.21045/2071-5021-2021-67-6-1](#).
4. Рязанцев, С. В. Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, О. Д. Воробьева // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3–4. С. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-3-4-01](#). EDN [HPGIRO](#).
5. Рязанцев, С. В. Миграция в Евразии до и во время пандемии COVID-19: тренды, последствия, миграционная политика. Москва : Экономическое образование, 2021. 302 с. ISBN 978-5-7425-0198-5. DOI [10.26653/2021/978-5-7425-0198-5](#).
6. Красинец, Е. С. Трансформация процессов внешней трудовой миграции в период распространения инфекции COVID-19 / Е. С. Красинец, И. В. Герасимова // Народонаселение. 2020. № 4. С. 161–171. DOI [10.19181/population.2020.23.4.15](#). EDN [TSIUZR](#).
7. Разумовская, Ю. М. Академическая мобильность в России в условиях пандемии COVID-19 / Ю. М. Разумовская, Е. Ю. Студнев // Заметки ученого. 2021. № 10. С. 188–191. EDN [XTPVLY](#).
8. Рязанцев, С. В. Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, Г. Н. Очирова // Социальное пространство. Т. 7, № 4. С. 1–11. DOI [10.15838/sa.2021.4.31.3](#). EDN [RFLGAX](#).

Информация об авторах:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель директора по международной и образовательной деятельности, заведующий отделом демографической безопасности и моделирования демографических процессов, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Скоблина Елена Вадимовна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: skoblina.e.v@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-6442-7922](https://orcid.org/0000-0002-6442-7922); РИНЦ Author ID: [906110](https://elibrary.ru/906110); Web of Science Researcher ID: [ABE-8187-2021](https://orcid.org/ABE-8187-2021); Scopus Author ID: [57779064900](https://orcid.org/57779064900).

Зорин Дмитрий Павлович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2138-3683](https://orcid.org/0000-0002-2138-3683); РИНЦ Author ID: [1066249](https://elibrary.ru/1066249); Web of Science Researcher ID: [ABB-9756-2020](https://orcid.org/ABB-9756-2020).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-68-00210 (<https://rscf.ru/project/22-68-00210>).

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; принята в печать 15.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMMIGRATION VS EMIGRATION: THE COMPENSATORY ROLE OF MIGRATION IN THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Elena V. Skoblina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: skoblina.e.v@gmail.com

Dmitry P. Zorin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zorindmy@gmail.com

For citation: Marina N. Khramova. Immigration VS Emigration: The Compensatory Role of Migration in the Demographic Development of Russian Regions / M. N. Khramova, E. V. Skoblina, D. P. Zorin. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 4. P. 110–122. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.8). EDN [LNDWKP](https://edn.rscf.org/LNDWKP).

Abstract. For the Russian Federation, international migration plays an important role in shaping the population of many regions. Migration gain partially compensates for the natural decline caused by depopulation. However, in 2020–2021 only a small number of subjects of the Russian Federation were able to make up for the demographic losses due to migration, both domestic and international. This can be partly explained by the impact of COVID restrictions, as a result of which international migration decreased significantly in 2020. Another reason may be related to the reorientation of migration flows from Russia's traditional donor countries to other destinations. In the conditions of depopulation, it is worth paying attention to another process – the emigration of Russian citizens abroad. The goal of this work is to study the impact of international migration in the regions of the Russian Federation on the size and demographic structure of the country's population in 2020–2021. In the paper, we analyze the dynamics of mortality and natural decline in the population of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic and assess the impact of the pandemic on educational and labor migration to Russia. Some of the consequences

of emigration to the main recipient countries are also being discussed. It is shown that the Coronavirus pandemic has had a multidimensional and prolonged impact on the demographic development of Russian regions. In the context of restricted mobility, the scale of international migration in 2020 has significantly decreased. The increase in migration made it possible only partially to compensate for natural population losses. The significant scale of emigration also causes concern. Comparison of the structure of immigration and emigration flows allows us to conclude that, as a result of emigration, there is an outflow of human capital from a number of strategically important regions of the country.

Keywords: international migration in Russia; labour migration; educational migration; emigration from Russia; natural population decline; COVID-19 pandemic; demographic security.

References

1. *Metodologiya analiza demograficheskoy bezopasnosti i migratsii naseleniya [Methodology for the analysis of demographic security and population migration]* : for Master students majoring in Statistics / N. D. Epstein [et al]. Moscow : “Finansy i statistika” Publishing House, 2013. 165 p. ISBN 978-5-279-03548-9. (In Russ.)
2. Khramova, M. N. Opportunities and Limitations for the Growth of Human Capital in the Regions of the Russian Far East / M. N. Khramova, D. P. Zorin. *Today and Tomorrow of Russian Economy*. 2022. No. 107–108. P. 26–36. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2022-107-108-02). (In Russ.)
3. Goroshko, N. V. Main Causes of Excess Mortality in Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic / N. V. Goroshko, S. V. Patsala. *Social Aspects of Population Health*. 2021. No. 67 (6). Article No. 1. DOI [10.21045/2071-5021-2021-67-6-1](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-6-1). (In Russ.)
4. Ryazantsev, S. V. The Euro-Asian Migration Corridor: Theoretical Aspects, Assess the Magnitude and Key Characteristics / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya, O. D. Vorob'eva. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2020. № 3–4. C. 5–18. DOI [10.26653/2076-4650-2020-3-4-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-4-01). (In Russ.)
5. Ryazantsev, S. V. *Migratsiya v Yevrazii do i vo vremya pandemii COVID-19: trendy, posledstviya, migratsionnaya politika [Migration in Eurasia before and during the COVID-19 pandemic: trends, implications, migration policy]*. Moscow : “Ekonomicheskoye obrazovaniye” Publishing House, 2021. 302 p. ISBN 978-5-7425-0198-5. DOI [10.26653/2021/978-5-7425-0198-5](https://doi.org/10.26653/2021/978-5-7425-0198-5). (In Russ.)
6. Krasinets, E. S. Transformation of Processes of External Labor Migration During the Spread of the COVID-19 Infection / E. S. Krasinets, I. V. Gerasimova. *Narodonaselenie (Population)*. 2020. No. 4. P. 161–171. DOI [10.19181/population.2020.23.4.15](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.15). (In Russ.)
7. Razumovskaya, Yu. M. Akademicheskaya mobil'nost' v Rossii v usloviyakh pandemii COVID-19 [Academic mobility in Russia during the COVID-19 pandemic] / Yu. M. Razumovskaya, E. Yu. Studnev. *Zametki uchenogo [Scholar's Notes]*. 2021. No. 10. P. 188–191. (In Russ.)
8. Ryazantsev, S. V. Transformation of International Educational Migration during the COVID-19 Pandemic / S. V. Ryazantsev, G. N. Ochirova. *Social Area*. Vol. 7, No. 4. P. 1–11. DOI [10.15838/sa.2021.4.31.3](https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.3). (In Russ.)

Bio note:

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for International and Educational Activities, Head Department for Demographic Security and Modeling of Demographic Processes, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI Author ID: [126144](https://rscf.ru/author/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935).

Elena V. Skoblina, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: skoblina.e.v@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-6442-7922](https://orcid.org/0000-0002-6442-7922); RSCI Author ID: [906110](https://rscf.ru/author/906110); Web of Science Researcher ID: [ABE-8187-2021](https://orcid.org/0000-0002-6442-7922); Scopus Author ID: [57779064900](https://orcid.org/0000-0002-6442-7922).

Dmitry P. Zorin, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zorindmy@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2138-3683](https://orcid.org/0000-0002-2138-3683); RSCI Author ID: [1066249](https://rscf.ru/author/1066249); Web of Science Researcher ID: [ABB-9756-2020](https://orcid.org/0000-0002-2138-3683).

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project No. 22-68-00210 (<https://rscf.ru/project/22-68-00210>).

Received on 13.10.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.